

Ли Хуайчэнь нахмурился, заметив, как девушка неловко разглаживает складки на платье, после чего отходит в сторону и утыкается в телефон, выглядя чужой на этом празднике. Хотя романтических чувств к ней он не питал, все же они выросли вместе, поэтому Ли Хуайчэнь подошел к ней.

Затем Старик Ли перевел взгляд на Ли Аньцина. Тот, не желая слушать нотации, еще до того, как отец успел хоть слово сказать, сам подошел к одной из одиноких дам.

Оба брата действовали удивительно одинаково: ограничивались беседой и не приглашали девушек на танец.

Старик Ли с досадой вздохнул:

— На них что, короны надеты? Не могут даже поклониться и пригласить даму.

Ли Сичунь попытался заступиться:

— Сначала нужно завести разговор.

К сожалению, и в дальнейшем Ли Хуайчэнь с Ли Аньцином успели переговорить со многими, но так и не выбрали себе партнершу.

Лишь когда балльные танцы завершились, Юань Сюань поднялся на сцену, чтобы сыграть на пианино и спеть, вновь вернувшись к образу элегантного принца. Гости перешли к обычному общению, в зале зазвучали смех и разговоры.

Ли Сянфу и Цинь Цзинь вышли из танцевальной зоны.

Истратив много сил, Ли Сянфу взял тарелочку с десертами и заодно протянул порцию Цинь Цзиню.

Цинь Цзинь принял тарелку. Он не особо любил торты, но все же съел несколько ложек.

В отличие от него, Ли Сянфу спокойно доел слишком приторный крем, бросил взгляд в сторону и приподнял бровь:

— Почему у моего отца все время такое мрачное лицо?

С этими словами он поставил тарелку и пошел к нему.

Старик Ли полностью проигнорировал подошедшего младшего сына, уставившись на шагавших за ним Ли Хуайчэня и Ли Аньцина. Не будь вокруг столько людей, его лицо выглядело бы еще мрачнее:

— Неужели так трудно было пригласить кого-нибудь на танец?

Брак вовсе не являлся обязательной жизненной целью, да и старик не намеревался насильно женить детей, но когда в семье четверо детей и ни у одного до сих пор нет даже намека на романтические отношения, как тут не сгорать от беспокойства?

Ли Хуайчэнь равнодушно ответил:

— Я приглашал, но девушка отказалась.

Старик Ли усмехнулся, желая посмотреть, какую еще сказку тот сочинит.

Ли Хуайчэнь оглядел каждого по очереди и неожиданно спросил:

— Мне вот интересно, кто пустил слух, будто танцевальные таланты нашей семьи передаются только по мужской линии?

Даже те девушки, которые симпатизировали ему, услышав предложение потанцевать, либо менялись в лице от ужаса, либо натянуто улыбались.

Ли Сичунь, до этого момента с ухмылкой наблюдавший за представлением, замер:

— ...

От автора:

Цинь Цзинь: «Потанцевать с ним — честь для тебя».

Юань Сюань: «А тебе самому нужно такое счастье?»

Спрашивая, Ли Хуайчэнь в упор смотрел на Ли Сичуня.

Улыбка Ли Сичуня угасла, и тот неуверенно произнес:

— Чего ты на меня смотришь?

Однако взгляд Ли Хуайчэня был красноречивее любых слов.

Помимо него, оставались лишь двое подозреваемых — Старик Ли и Ли Сянфу, но у тех не было ни малейшего мотива распространять слухи о том, что семейные таланты передаются только мужчинам.

Поняв, что козла отпущения найти не удастся, Ли Сичунь оставил попытки оправдаться и признался:

— Я же просто к слову обронил за столом, тогда и четырех человек не набралось.

Кто мог подумать, что за столь короткий срок эти слова разлетятся быстрее гриппа.

Стоявший рядом Ли Сянфу вмешался:

— Это было в тот день, когда Лю Юй пришел в гости с другом?

— Ага, кажется, с ним был еще этот... как бишь его, Чэнь Хань.

Услышав это, Ли Сянфу вздохнул:

— У Лю Юя прозвище «Ходячая энциклопедия новостей».

Он и сам нередко обращался к Лю Юю за сведениями. Тот был человеком, не упускающим случая обменять чужие пикантные подробности на полезные ресурсы, так что любую интересную новость выжимал до последней капли.

Уголок глаза Ли Сичуня нервно дернулся.

Ли Сяньфу вдруг усмехнулся:

— В старших классах этот парень был организатором по воспитательной и просветительской работе.

И он тут же с чувством воспроизвел предвыборную речь Лю Юя:

— «С самого детства, в какой бы класс я ни попал, всегда становился ответственным за агитацию. Одноклассники просто хотели, чтобы я направил свою энергию стукачества в другое русло».

Ли Сяньфу обладал первоклассным талантом пародиста, идеально передав даже самодовольное выражение лица. Это сразу вызвало смешки вокруг, и даже Цинь Цзяюй слегка изогнул губы в улыбке.

Обстановка разрядилась, и Ли Сичунь, успешно спасенный от разборок по поводу слухов, не упустил шанс смыться и завел беседу с первым попавшимся гостем.

Ли Сяньфу тоже не стал задерживаться. Он собирался пойти за Ли Сичунем, а заодно разрекламировать свои картины. Но сделав лишь пару шагов, почувствовал невнятный дискомфорт. Подняв взгляд, он ничуть не удивился: Цинь Цзяюй пристально наблюдала за ним.

Когда их взгляды встретились, Цинь Цзяюй указала пальцем за панорамное окно, и Ли Сяньфу, прищурившись, обошел здание и направился в сад.

Ночь была в самом разгаре. Цинь Цзяюй вышла наружу раньше него и даже успела принять живописную позу: она прислонилась к акации и подняла бокал в приветственном жесте.

Ли Сяньфу остался равнодушен и лишь холодно напомнил:

— Смотри, чтобы листья в бокал не нападали. Хочешь пить — пей скорее.

Чем резче он отвечал, тем большее наслаждение выражало лицо Цинь Цзяюй.

Увидев это, Ли Сяньфу сменил тактику. Он спокойно остался стоять на месте, и даже когда она молча покачивала бокал, не стал ее торопить.

И впрямь, Цинь Цзяюй нахмурилась, явно недовольная установившимся между ними молчанием.

— Ты всегда умеешь удивить, — в конце концов тишину нарушила сама Цинь Цзяюй. — Тайком несколько раз заключал сделки с Су Тао.

Она имела в виду недавние денежные переводы.

Ли Сяньфу не знал, рассказала ли Су Тао всю правду Цинь Цзяюй, поэтому предпочел промолчать.

Цинь Цзяюй медленно приблизилась к нему:

— Последние несколько лет я большую часть времени провела в спячке.

Каждое слово было пропитано гнетущей тяжестью.

Однако Ли Сяньфу невольно подумал об ином сравнении — ядовитая змея, затаившаяся в зимней спячке.

— И удержала меня на плаву вовсе не ненависть...

К Ли Сяньфу она действительно не питала ненависти; скорее, это была досада и стыд человека, которого обвели вокруг пальца.

— Мне правда ужасно любопытно, как тебе тогда удалось заметить во мне странности.

В те редкие периоды, когда она находилась в сознании, Цинь Цзяюй пристально следила за Ли Сяньфу, а потому не могла не заметить чересчур умного Ли Шаша. После неоднократных проверок она убедилась, что тот тоже являлся Системой.

Но четыре года назад Ли Сяньфу был лишь ни к чему не пригодным мажором, и если бы при нем уже находилась Система, у нее не было причин ничего не заметить.

Кажется, растревоженная воспоминаниями, Цинь Цзяюй на мгновение потеряла контроль над собой и своей свободной от бокала рукой крепко сжала запястье Ли Сяньфу.

— Сожалею, но я и сам не знаю, — ответил Ли Сяньфу и стряхнул державшие его пальцы.

Пока он говорил, Цинь Цзяюй ни на секунду не отводила взгляда, улавливая малейшие изменения в выражении его лица.

В жизни многое взаимно.

К примеру, Ли Сяньфу сравнивал Цинь Цзяюй со змеей, но и она думала о нем подобным образом — притом обожглась на молоке и теперь дула на воду.

Единожды пойманная в ловушку и сыгравшая роль полнейшей дуры, она видела, как характер Ли Сяньфу изменился до неузнаваемости, и оттого до сих пор не решалась поверить: не обернется ли все это очередной уловкой?

В этот момент Ли Сяньфу неожиданно сделал шаг вперед и усмехнулся.

Пальцы Цинь Цзяюй на ножке бокала подсознательно сжались сильнее.

В следующий миг Ли Сяньфу наклонился еще ближе, намеренно понизив голос. Хотя между ними оставалось некоторое расстояние, под определенным углом казалось, будто их тени переплелись.

— «Прежний государь не успел завершить свое великое дело, как скончался на полпути...»

Лицо Цинь Цзяюй мгновенно сделалось странным: она не понимала, к чему он вдруг выдал эту строчку. Отчеканив весь отрывок целиком, Ли Сяньфу отступил назад и с улыбкой уставился на Су Тао, которая неясно когда возникла неподалеку в тени деревьев. Он первым нарушил молчание:

— Госпожа Су, не поймите неправильно, мы просто обсуждали древнюю поэзию.

— ...

Су Тао ничего не ответила.

— Низкопробная уловка, — осталась хладнокровной Цинь Цзяюй.

Ли Сянфу действовал чересчур топорно: любой, у кого есть хоть немного мозгов, сообразил бы, что он намеренно сеет раздор.

Спокойно пройдя мимо нее, Ли Сянфу, окатив Су Тао взглядом, произнес пониженным до нечистой силы тоном:

— Видела? Ей именно такое и нравится: чем больше драмы, тем лучше.

Свет садовых фонарей был слабым, но Цинь Цзяюй заметила, как лицо Су Тао на миг исказилось от неловкости. Нахмурившись, она подошла ближе, мазнула взглядом по удаляющейся спине Ли Сянфу и спросила:

— Что он только что сказал?

— Да что он мог сказать? Обычные насмешки, — уклонилась от прямого ответа Су Тао и облизнула пересохшие губы. — Здесь вся семья Ли. Ты не боишься привлечь внимание тем, что открыто позвала его сюда?

Цинь Цзяюй качнула головой, давая понять, что о подобном не стоит беспокоиться.

<http://bllate.org/book/18300/1757266>